

— А ты сообразительный. Едва не ускользнул. И как только догадался?

Чэн Си замер. Его сердце колотилось как безумное, а в расширившихся от испуга глазах блестели слёзы. Чья-то ладонь намертво зажала ему рот, а к горлу, едва не прорезая кожу, было прижато холодное лезвие кинжала. Чуть поодаль, на полу, без чувств лежал Янь Цингуан — жив он или мёртв, понять было невозможно.

— Дело в рецепте на столе? Или у вас был какой-то тайный знак? — голос незнакомца звучал странно искажённо.

Ладонь, удерживающая Чэн Си, казалась бугристой и шершавой. Никакой мягкости — лишь грубые, острые шрамы, царапавшие кожу не хуже холодного лезвия. Чэн Си почувствовал, что содрал кожу на подбородке. Он осторожно качнул головой и изо всех сил нажал на персиковое клеймо на ладони, мысленно моля о спасении. Но увы — метка, вопреки обыкновению, оставалась холодной.

Его тайная попытка не осталась незамеченной. Запястье тут же перехватили железной хваткой, пальцы бесцеремонно разогнули один за другим, обнажая бледно-розовый рисунок.

Сзади раздался негромкий смешок:

— Надо же, Заклинание Единого Сердца. Ищешь подмогу? Хочешь покричать? Можешь не надрываться, всё равно никто не услышит. Не глупи, я полностью заглушил здесь сигнал. Твой зов наружу не пробьётся.

Чэн Си остолбенел.

"Погоди... Что ты только что сказал? Какой ещё сигнал?"

Чэн Си отчаянно задержался. Плевать на лезвие, оставившее на шее несколько царапин, — ему удалось слегка вывернуть голову и сквозь зажатые губы невнятно прохрипеть:

— Люблю тебя за то, что бредёшь один впотьмах?..

Рука с кинжалом за его спиной заметно дрогнула. Повисло долгое, почти осязаемое молчание.

—... За то, что на колени ты упасть не смог в слезах, — наконец глухо отозвался голос.

Сделав короткую паузу, незнакомец со вздохом добавил:

— Давай другую. Я всё-таки не школьник начальных классов.

Слёзы брызнули из глаз Чэн Си с новой силой. Навзрыд, глотая рыдания, он выдавил:

— Если я дышал тем же ветром, что и ты... считается ли, что мы обнялись?

— Считается. Как близкий контакт.

Острое лезвие наконец скользнуло прочь от шеи. Чэн Си стремительно развернулся и, не помня себя, бросился на шею похитителю. Оба разрыдались.

— Земляк! Родной мой!.. погоди, прекрасный лекарь?!

Встретить земляка на чужбине — великое счастье. Но встретить того, кого ты уже знал в этом мире — счастье вдвойне.

Ли Цзин прислонился к стене. Длинные волосы растрепаны, одежда превратилась в лохмотья, да и сам он выглядел не лучше. Лицо его теперь было полностью открыто — черты по-прежнему оставались на редкость изящными и привлекательными, но всё оно шло глубокими трещинами, словно неправильно собранный пазл. Он небрежно поправил пальцем сползающий левый глаз, пытаясь вернуть лицу хоть какое-то подобие симметрии. Посмотрев на Чэн Си своими золотыми глазами, Ли Цзин показал ему большой палец:

— Надо же, наш Пирожочек! Ну и память у тебя. Удивительно, что узнал меня в таком виде.

Не успел он договорить, как продемонстрировал, что значит фраза «рассыпаться на глазах» в самом буквальном смысле. Левая половина его черепа со скрежетом поползла в сторону. Чэн Си в панике бросился ловить чужую голову. Пальцы мгновенно испачкались в чём-то склизком и липком. Он потёр подушечки друг о друга — клейстер! Обычный мучной клейстер.

— Я обычный студент, — усаживаясь поудобнее, начал рассказывать Ли Цзин. — Надеюсь отдохнуть на каникулах, сидел дома, варил хого. И тут — бах! Кастрюля взрывается.

Он попытался щелкнуть пальцами, но от этого жеста у него отвалились сразу два пальца. Чэн Си торопливо подобрал их с пола и аккуратно приладил обратно на липкий клейстер.

— В глазах потемнело, а когда очнулся — батюшки, я в теле второстепенного злодея из BL-новеллы. Статус, конечно, солидный, не придерешься, но вот финал у этого персонажа... врагу не пожелаешь.

— Как же тебя... так угораздило? — Чэн Си указал на его многострадальное тело.

Левая половина Ли Цзина казалась выточенной из нефрита, но расколотой на тысячи мелких осколков. Скреплявший их дешевый клейстер едва держал конструкцию — стоило бедолаге

шевелинуться, как на пол сыпалась каменная крошка.

— А, это ложное тело, пустяки. Не бойся. Только руками не трогай, края острые, порежешься,
— Ли Цзин осторожно пересадил руку подальше от Чэн Си, пряча острые сколы. — Ну а что делать? Кто ж знал, что я такой святой человек, один на весь белый свет. Раз уж попал сюда, решил спасти мир, сделать доброе дело. Знал, что в Городе Северного Солнца намечается бойня и погибнет куча народа, вот и ринулся на выручку. Да только столкнулся там с Князем демонов. Сцепились, и меня разнесло в щепки.

Ли Цзин поднял отвалившийся кусочек нефрита и покрутил перед носом.

— А ведь материал дорогуций! Другого сосуда для души под рукой не оказалось, пришлось лепить из того, что было. Собрал себя на обычный клейстер и побрёл в Линчжоу. Думал одолжить у Шэнь Хуайчуаня нормальный закрепитель для душ, подлататься малек. Да только Шэнь Хуайчуаня дома не оказалось, а его ученик — этот твой мелкий недоумок — принял меня за вора. Сразу за меч схватился. Пришлось его вырубить и припрятать от греха подальше. Ну а тут и ты нарисовался.

Ли Цзин откинулся затылком на стену, устраиваясь поудобнее, и хмыкнул:

— Теперь твоя очередь, бро. Как ты-то здесь очутился?

— Я перед тем, как очнуться в этой книге, месяц пахал без выходных, — лицо Чэн Си исказила гримаса неподдельного страдания.

Ли Цзин понимающе кивнул:

— Сердце прихватило? На рабочем месте?

Чэн Си уныло кивнул.

Повисла скорбная пауза. Собратья по несчастью переглянулись, и Ли Цзин сочувственно похлопал земляка по здоровому плечу:

— Гореть этим капиталистам в аду! Кстати, мы ведь уже в третий раз видимся, а я до сих пор не знаю твоего настоящего имени.

— Чэн Си. Который «персик и слива молчат, а тропа под ними протаптывается».

Ли Цзин округлил глаза, уставившись на него с нескрываемым благоговением:

— Погоди-ка. Тот самый Чэн Си? Тварь дрожащая, которая держала главного героя за раба, выдрала у него духовные кости и выбросила помирать в ров к бродячим псам?

Чэн Си скривился как от зубной боли:

— Ну... да. Он самый.

Ли Цзин благоговейно пожал ему руку:

— Братишка, да ты гений выживания! По канону ты же должен был склеить ласты ещё главе в пятой. Как тебя до сих пор главный герой на ремни не порезал?

— Спасибо на добром слове, — вздохнул Чэн Си. — Исключительно благодаря лести, угодничеству и умению вовремя лизать пятки. А твой персонаж в какой главе должен двинуть кони?

Ли Цзин по-прежнему стоял у стены. Его левая сторона осыпалась мелким бисером, и эта ползучая паутина трещин уже перебиралась на правую. Впрочем, сам бедолага ничуть не беспокоился. Он лениво смахнул нефритовую пыль с плеча и вздохнул:

— Мой выход в сто двадцать первой главе. Под конец романа, когда в трёх мирах начнется великая смута. Я попытаюсь столкнуть главного героя в Духовную Бездну, но его ненаглядный суженый легким движением руки снесет мне башку — чисто чтобы другим неповадно было. Эх, незавидная участь у пушечного мяса. Ума не приложу, как мне пережить эту главу.

Чэн Си понимающе шмыгнул носом.

— Я до сих пор жив только потому, что слил Жун Иню часть сюжета, — уныло признался Чэн Си. — Он заподозрил неладное и теперь пытается выудить из меня всё до капли. Вот только я ни черта не знаю! Прочитал первые пять глав, а остальное сочиняю на ходу по аннотации. К тому же он наложил на меня Проклятие Жизни и Смерти. Стоит ему понять, что от меня больше нет толку, и он прихлопнет меня как муху.

— Проклятие Жизни и Смерти? — Ли Цзин подался вперед. — Эта ерунда у тебя на ладони?

Чэн Си кивнул, и в тот же миг Ли Цзин согнулся пополам от хохота, едва не растеряв по дороге уцелевшие ребра.

— Проклятие Жизни и Смерти?! Да он развёл тебя как младенца! Я же сразу сказал: это обычное Заклинание Единого Сердца. Максимум, на что оно способно — транслировать твои мысли в его голову, да и то эту глушилку обойти — раз плюнуть. Дружище, неужели ты поверил? Тебя проклинали, а ты даже не удосужился сходить в библиотеку и проверить?

Чэн Си молчал, чувствуя себя полным идиотом.

— Боже, до чего же ты наивный, — фыркнул Ли Цзин. Он поманил Чэн Си пальцем, а затем ухватил за полу халата и резко притянул к себе. — Иди-ка сюда. Сейчас я покажу тебе, как выглядит настоящее Проклятие Жизни и Смерти.

Чэн Си не успел даже пикнуть.

Ли Цзин обхватил его тонкую шею ладонью и заставил поднять голову. Их лица оказались так близко, что дыхание смешалось, а волосы переплелись. В глубине золотистых глаз собеседника Чэн Си вдруг увидел еще одну пару зрачков. Этот взгляд прошивал насквозь, минуя брентную плоть и проникая в самую глубину души. Невидимая духовная энергия закружилась вихрем, выжигая на его первозданном духе символ за символом. Чэн Си не мог пошевелить и пальцем. Его бросало то в жар, то в холод, сознание туманилось, а в голове набатом стучала одна-единственная мысль: его обвели вокруг пальца.

— Ты... ты же просто хочешь забрать моё тело, верно?! — с трудом выдавил он.

— С чего ты взял? Я приличный студент, придерживаюсь строгих моральных принципов и подобными гнусностями не занимаюсь, — рассмеялся Ли Цзин. — Захват чужого тела совершенно противоречит идеалам гуманизма. Я законопослушный гражданин, радею за мир и дружбу. Просто решил по дружбе показать тебе жизнь, чтобы всякие проходимцы больше не вешали лапшу на уши.

Процесс выжигания клейма на самой душе оказался настолько мучительным, что Чэн Си затрясло крупной дрожью. Жун Инь с его жалкой меткой и близко не стоял. Сквозь пелену слез Чэн Си взглянул на трескающееся лицо стоящего перед ним парня, медленно приподнял слабеющие руки и вцепился Ли Цзину в горло. Из того посыпался новый град светящихся осколков.

— Да пошёл ты! Лжец несчастный! — прохрипел он.

Силы окончательно покинули его. Чэн Си безвольно уткнулся лбом в плечо Ли Цзина. По его телу заструились тонкие золотистые линии, складываясь в причудливые узоры, будто искусный мастер расписывал нефритовую статую золотой пылью. В конце концов этот сияющий узор стремительно стянулся к его переносице, вспыхнул на лбу сложным солнечным знаком и бесследно растаял под кожей.

— Глупый... Но ладно, пусть будешь ты, — тихо выдохнул Ли Цзин.

Ли Цзин поднял голову. Левый глаз снова выпал из глазницы и повис на тонкой ниточке клейстера. Не обращая на это внимания, парень аккуратно повернул лицо спящего Чэн Си из стороны в сторону, оценивая работу, тепло усмехнулся и взъерошил ему волосы. Подхватив бездыханное тело на руки, он, прихрамывая и глухо постукивая каменными ногами, выбрался

из пространственной расщелины, перенёс Чэн Си в спальню и заботливо укрыл одеялом.

Тем временем в стенах Академии Духовной Горы Владыка Таинственного Неба пил чай с главой обители.

Седовласый юноша казался изваянием из тончайшего льда и чистейшего снега. Облик его, лишённый земных изъянов, завораживал; в полуприкрытых глазах мерцало блеклое золото, выдавая божественную природу. Лицо его оставалось неподвижной маской — вечно холодный, отстранённый, чистый, словно вечные снега на горных вершинах, и недостижимый, как луна в ночных облаках.

Это чаепитие тянулось уже добрых два часа, и за всё время Цзин Сяохань не проронил ни слова. Старый настоятель извелся, чувствуя себя как на иголках. Ему не оставалось ничего другого, кроме как без конца прихлебывать остывающий настой, отчего живот у него уже раздулся от воды.

По правде говоря, старик ума не мог приложить, ради чего эта царственная особа соизволила спуститься с Тройных Небес. Да, когда-то Цзин Сяохань числился среди учеников Академии, но обучать гения такого масштаба не мог никто, кроме самого Божественного Владыки. Мальчишка схватывал всё на лету. Проведя в стенах школы жалкие полгода, он умудрился прочесть все священные манускрипты в хранилище книг и даже исправил несколько ошибок в древнейших трактатах. И ведь было ему тогда всего одиннадцать лет! Сейчас Владыке Таинственного Неба исполнилось семнадцать, через три года его ждало совершеннолетие. И зачем, спрашивается, вместо усердных медитаций на заоблачных высях он явился в мир смертных? От скуки решил погулять?

— Настоятель, — внезапно заговорил Цзин Сяохань. Голос его, чистый и звонкий, напоминал соударение драгоценного нефрита.

Старик торопливо опустил пиалу:

— Слушаю вас, Владыка. Желаете что-то приказать?

— В Академии хватает людей? — Цзин Сяохань поставил чашку на столик и слегка повёл бровью. — Божественный Владыка велел мне побыть здесь, дабы умиротворить дух. Гостить без дела мне негоже. Нужны ли вам наставники?

Глядя на безучастное лицо юноши, настоятель подумал:

"Какое ещё умиротворение духа? Наверняка опять натворил делов в округе Небесного Равновесия, вот его и сослали с глаз долой"

Второй его мыслью было искреннее изумление: надо же, какая длинная речь! Из уст этого молчуна услышать столько слов за раз — настоящее чудо. Видимо, перевыполнил годовую норму.

— Настоятель, так есть ли свободные места? — повторил Цзин Сяохань, и его тон стал заметно прохладнее.

Старик вздрогнул, едва не выронив чашку:

— А... Да, разумеется. Свободные места всегда найдутся.

— Отлично, — Цзин Сяохань поднялся из-за стола. — В таком случае договорились.

Глава Академии растерянно моргнул.

"Договорились о чём?!"

Но высокий гость уже распахнул двери и вышел на порог. Внутренний дворик так и кишел любопытными послушниками. Юнцы облепили стены, взбирались друг другу на плечи и свисали с ограды подобно дикому плющу. Глаза у всех горели диким восторгом — точь-в-точь как у тварей бездны, когда Цзин Сяохань раз в год спускался укреплять печати Духовной Бездны. Не дрогнув ни единым мускулом на лице, юноша едва заметно кивнул собравшимся и неторопливо направился к восточному крылу — туда, где когда-то жил в детстве.

Проводив его взглядом, толпа разом взорвалась криками.

— Он пошёл в жилые покои! Владыка остаётся на ночь!

Академию словно поразило безумие. Возбужденный гул преданных почитателей молодого господина едва не снес крышу павильона. Восторженная орава послушников гурьбой хлынула следом, забывая узкие переходы до отказа.

Старый настоятель уныло посмотрел на остывший чай в своей пиале. Предчувствуя скорую беду, он схватился за голову.

"Преподавать? Он?! Да из него за год лишнего слова не вытянешь. И как он вести уроки собрался? Будет молча созерцать учеников, а те — его?"

<http://bllate.org/book/18408/1799572>